

Ретрансляция прецедентности в газетных заголовках

Н.М. Орлова
(Россия)

El artículo está dedicado al análisis de los casos de redifusión de fenómenos precedentes a través de titulares periodísticos. Se trata de los fenómenos precedentes que gozan de importancia cultural a nivel mundial, como éstos completan la base precedencial de los rusohablantes y qué transformaciones semánticas muestran en el proceso de la redifusión.

Типология прецедентных феноменов традиционно проводится на различных основаниях, самыми распространенными из которых являются разного рода описания происхождения этих единиц. В настоящей работе мы обращаемся к наименее изученным и в наибольшей степени существенным для нас аспектам текстовой прецедентности, а именно к вопросам ретрансляции прецедентности и характеристике прецедентных текстов с точки зрения их первичной и вторичной прецедентности. Задачей исследования является также уточнение понятия общей прецедентной базы носителей языка и введение в научный обиход термина «прецедентная форма». Под последней понимается единство прецедентного феномена как ментального образования и речевого способа вовлечения его в текстовое пространство.

Перечисленные аспекты тесно связаны между собой и приобретают особую важность, когда речь идет о самом обширном поле прецедентности, включающем неисчислимое множество компонентов, – о заголовках публицистических текстов.

Явление ретрансляции прецедентности широко распространено в межкультурной коммуникации, а также при реализации прецедентного потенциала одного из универсальных источников прецедентности – библейского текста.

Ранее нами уже отмечалось, что прецедентные импульсы Библии могут иметь осязаемое влияние не только в аутентичном тексте, обращенном к ней, но и сохраняться при прохождении через ряд вновь продуцированных текстов, обретая при этом новое смысловое наполнение. Так, в результате обращения Эрнеста Доусона (Ernest Christopher Dowson. *Non sum quails eram bonae sub regno Synarae*) к тексту 12 Псалма рождается новое прецедентное высказывание, позднее давшее название роману Маргарет Митчелл, концептуализировавшееся, и в свою очередь обретшее новую прецедентность как в английском, так и в русском языках (*gone with the wind/унесенные ветром*).

Ср.: Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет. **Пройдет над ним ветер, и нет его**, и место его уже не узнает его. – As for man, his days are as grass; as a flower of the field, so he flourisheth. For the **wind passeth over it, and it is gone**; and the place thereof shall know it no more (Пс.102:15 – 16) – и у Доусона: *I have forgot much, Synara! gone with the wind, Flung roses, roses riotously with the throng, Dancing, to put thy pale, lost lilies out of mind* (Орлова, 2008, с. 32).

Бесконечному динамическому варьированию способны подвергаться библейские сюжеты, актуализируя те или иные смысловые кванты своих концептов (в том числе латентные кванты). Это варьирование также является показателем ретрансляции прецедентности. При этом связь с первоисточником может осознаваться более или менее отчетливо, но в большинстве случаев не утрачивается, по крайней мере, для пишущего.

Таким образом, среди прецедентных форм можно выделить первично-прецедентные, возникшие на базе обращения непосредственно к прецедентному феномену (тексту), и вторично-прецедентные, которые продуцируются после осуществления ретрансляции прецедентности. Использование одной и той же прецедентной основы, прошедшей культурную ретрансляцию, чрезвычайно характерно для публицистических заголовков.

Обратимся к примерам текстов публицистического типа речи, построенных на вторичной прецедентности (заголовки «Московского комсомольца», «Российской газеты», «Комсомольской правды» и некоторых других периодических и Интернет-изданий, преимущественно 2010 – 2013 гг.), обращенной к заголовкам широко известных произведений литературы XX века.

Необычайная популярность прецедентного заголовка романа Маркеса «Полковнику никто не пишет» (Gabriel García Márquez, «El colonel no tiene quien escriba») связана с двумя обстоятельствами. Прежде всего, это широкая известность песни из культового российского фильма. Текст песни, который включает единственную «отсылку» к первоисточнику и который ни в какой степени не связан с содержанием романа Нобелевского лауреата, послужил ретранслятором прецедентности. Кроме того, множественность интертекстуальных обращений обусловлена существованием многочисленных «полковников»-героев публикаций. Активизация прецедентности наблюдается в периоды, когда в социуме происходят события, связанные с этими реальными персонажами: *Полковника никто не слушал* (отставной милиционер из Кузбасса пожаловался Медведеву и Нургалиеву); *Полковника никто не любит* (задержан офицер, подозреваемый в соращении детей); *Полковнику никто не спишет* (об осуждении полковника за мошенничество); *Полковнику никто не верит* (из серии книг о полковнике Гурове); *Полковнику никто не спишет* (Буданову отказали в досрочном освобождении); *Полковнику никто не спишет* (после гибели Буданова); *Полковника никто не ждет* (также информация о его смерти).

Подобные «скопления» однотипных прецедентных форм характерны также для периода событий в Ливии 2011 года: *Полковника никто не видит*; *Полковника никто не ждет* (формула воспроизводилась многократно – как при жизни, так и после смерти Каддафи); *Полковника никто не душит*; *Полковника никто не слышит*; *Полковника никто не любит*; *Полковнику никто не напишет*; *Полковнику никто не служит* (неоднократно); *Полковнику еще напишут* и т.д.

Большой популярностью пользуется в журналистике прецедентная форма, воспроизводящая заглавие романа Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (Milan Kundera, «Nesnesitelná lehkost bytí»). В газетные заголовки вовлекается двухсловная формула-оксюморон «невыносимая легкость», привлекательная своей парадоксальностью; иными словами, используется распространенная прецедентная форма с заменой компонента в прецедентном высказывании: *невыносимая легкость языка* (об изучении иностранных языков); *обязательств*; *дыхания* (о дыхательной гимнастике); *контрабанды*; *жития* (о

старце Амвросии Оптинском); *вырождения; теории повседневности* (заголовок научно-популярной статьи по социологии); *украинского бунта; потребкредитования; ДТП (sic!)* и т. д. Единичны другие способы преобразования прецедентного высказывания, ср.: «Невыносимая легкоатлетичность бытия» (интервью МК с саратовской спортсменкой Ольгой Топильской).

Тексты Маркеса и Кундеры, без сомнения, входят в прецедентную базу носителей многих языков и являются прецедентно значимыми текстами мирового масштаба. Однако при ретрансляции прецедентности связь с текстовыми феноменами утрачивается практически полностью; мы не можем говорить о редукации прецедентности, о сведении ее к одному-двум ключевым концептам текста. Оба романа насыщены философской глубиной, сложны по своему содержанию и композиционной структуре, и заглавия произведений, занимающие в тексте «абсолютно сильную позицию», отражают эту глубину и сложность, являясь, по сути, важнейшими концептами текстов. Нет сомнения, что их использование для других текстов может преследовать только одну цель: привлечение внимания читателей, – но это лишь в малой степени отражает содержание публикаций. Как правило, некоторое указание на то, о чем пойдет речь в статье, содержится в переменном замещающем компоненте.

Вполне предсказуемо, что название пьесы Бертольда Брехта «Кавказский меловой круг» (Bertolt Brecht, «Der kaukasische Kreiderkreis») активизируется в качестве газетного заголовка при обращении к событиям на Кавказе. Этому способствует и многозначность, некая семантическая расплывчатость лексемы «круг». Переменные компоненты, замещающие прилагательное «меловой», отличаются разнообразием вне всякой связи с текстом-источником и заголовком пьесы: *кавказский церковный круг, кавказский силовой круг, кавказский замкнутый круг, кавказский роковой круг, кавказский энергетический круг, кавказский призовой круг* (о присуждении приза кинофестиваля фильму «Кавказский пленник»), *кавказский нефтяной круг, кавказский кровавый круг* и т.п.

Притягательность, краткость, благозвучие и широкая известность заголовка драматургического произведения Брехта приводит к тому, что он без изменений становится заголовком многочисленных статей, особенно если речь идет о Грузии: грузинские публицисты испытывают, по-видимому, некоторую гордость по поводу того, что действие известнейшей драмы немецкого писателя происходит в грузинских декорациях. Видимо, по сходной причине фестиваль адыго-абхазских театров на сцене майкопского Пушкинского народного дома проходил под парадоксальным девизом «Наш кавказский меловой круг».

Иногда ретрансляция может иметь многоступенчатый характер. Примером такой цепочки является использование выражения «зима тревоги нашей». Восходящее к тексту шекспировского «Ричарда III», оно было использовано Джоном Стейнбеком (John Steinbeck) в качестве названия одного из самых известных его романов «The Winter of Our Discontent».

Переводчики Стейнбека (Н. Волжина и Е. Калашникова) использовали в названии цитату из перевода Михаила Лозинского; надо заметить, что это начало пьесы Шекспира на русском языке контрэнтно по высокому художественному уровню тексту первоисточника (*Зима тревоги нашей позади, К нам с солнцем Йорка лето возвратилось*). Никакой другой перевод не включает в себе такого

сильного напряжения, никакое начало пьесы не могло бы стать названием романа на русском языке; ср. с наиболее распространенным и вполне удачным переводом Анны Радловой: *Здесь нынче солнце Йорка злую зиму В ликующее лето превратило* (*Now is the winter of our discontent made glorious summer by this son <or sun> of York*).

В определенном смысле эта цитата по-русски звучит глубже, сильнее и более многопланово за счет перевода «discontent» (скорее – «недовольство», «неудовлетворенность») как «тревога» и грамматико-семантического сближения «зимы» и «тревоги». В большинстве переводов встречаем текстуально точное описание восхождение на трон Эдуарда IV в результате жестокой политической борьбы: *Сегодня солнце Йорка превратило В сверкающее лето зиму **распрей*** (Б. Лейтин); *Итак, преобразило солнце Йорка В благое лето зиму наших **смут*** (Мих. Донской); *Прошла зима **междоусобий** наших; Под Йоркским солнцем лето расцвело* (А. Дружинин).

Краткий экскурс в историю названия романа Стейнбека отчетливо показывает, что в нем заключена особая многоплановость, затрагивающая всю поэтику произведения: стихи звучат в переломный момент сюжета с оттенком трагической иронии. Ничего даже отдаленно связанного ни с шекспировским текстом, ни с романом Стейнбека заголовки современной российской публицистики не содержат. Наиболее удачным и приемлемым журналистам представляется, по-видимому, словосочетание «наша тревога», которое смело реализуется в публикациях на самые разнообразные темы, несмотря на то, что замена компонента разрушает метафору «winter of our discontent»: *вода тревоги нашей, земля тревоги нашей, берег тревоги нашей, река тревоги нашей, воздушные потоки тревоги нашей* (все публикации по проблемам экологии); *стопа тревоги нашей, еда тревоги нашей, год тревоги нашей* (об итогах и проблемах 2011 года), *турнир тревоги нашей; пельмень тревоги нашей* (статья о полуфабрикатах в «Известиях»); *глаза тревоги нашей* (речь идет о детских глазах); *Китай тревоги нашей* (о китайской доле в нефтедобыче); *цвета тревоги нашей* (о цветовом обозначении уровней террористической опасности); *«Булава» тревоги нашей; детсад тревоги нашей; больница тревоги нашей; парк тревоги нашей; село тревоги нашей; метро тревоги нашей* (о возможности строительства метро в Алматы) и т.д. Нередко встречается точное цитирование, иногда с заменой «зимы» на название другого сезона: многократно в различных изданиях воспроизводятся заголовки *зима тревоги нашей* (о холодах), *зима тревоги нашей* (о событиях на Украине), *зима тревоги нашей* (о неудачах России на Олимпийских играх); *весна тревоги нашей* (прогноз социально-политической активности на февраль-март).

Примеры можно продолжать бесконечно (ср., например множественность обращений к формуле «скромное обаяние» <буржуазии>, восходящей к прецедентному названию фильма Бунюэля «Le Charme discret de la bourgeoisie» – *Китая, мансарды, шале, расизма, генерала, СССР, среднего класса, французской аристократии, Парижа, диссидентов, пиара, методологии, общества потребления, хвойных, пестролистных, бренд-менеджера, Барбары Радзвилл, ручных пил, сенсорных систем* и т.д.). Однако, думается, приведенных достаточно, чтобы сделать предварительные выводы.

1. При ретрансляции прецедентности публицистические заголовки порождают вторично-прецедентные феномены (высказывания), слабо связанные

с текстом-источником, вплоть до полного исчезновения этой связи. Существующая тенденция к концентрации в публицистике однотипных прецедентных форм, проявление множественности (multiplicity) использования одной и той же прецедентной основы служит одним из средств выражения стилевой доминанты публицистического типа речи, понимаемой как сочетание экспрессии и стандарта. Стандартная формула перестает по сути быть прецедентной формой, поскольку само ментальное образование (прецедентный текст и его ключевые концепты) становится несущественным (а во многих случаях – несуществующим) для носителей языка. Культурный код и ключ к его пониманию утерян; интертекстуальное включение становится своего рода симулякром, создающим ложное чувство приобщенности к явлениям мировой культуры.

2. Если обращение к прецедентным текстам мирового общекультурного значения характеризует элитарный тип речевой культуры (Гольдин, с. 106), то в описываемых случаях, по-видимому, мы имеем дело с квази-использованием таких прецедентных феноменов, что служит подтверждением реализации в средствах массовой информации преимущественно среднелитературного типа речевой культуры.

3. С точки зрения характеристики общей когнитивной базы носителей языка можно также охарактеризовать эти бесконечные однотипные «интертекстуальные включения» как элементы ложной когнитивной базы: заголовок как прецедентное высказывание живет в публицистическом пространстве вне связи с текстом, используется как готовая формула с непроясненной «этимологией».

4. Наконец, можно предположить, что использование «чужого» заголовка в целом не равнозначно использованию любого другого «чужого» слова (catchword). Несомненно, цитата, интертекст, прецедентность – неотъемлемая характеристика текста эпохи постмодернизма. Цитирование – чрезвычайно распространенный тип газетного и журнального заголовка. В художественной речи интертекстуальность используется не только яркое образно-выразительное средство, но также может выступать в функции названия произведения; как всякий художественный заголовок, цитата становится одним из ключевых концептов текста (ср., например, рассмотренный выше заголовок романа «Унесенные ветром» или катаевский «Белеет парус одинокий»). Поскольку цитата-заголовок включает в себе основную концептуальную значимость всего озаглавленного текста, перенесение ее в такую же позицию по отношению к другому текстовому пространству возможно лишь при условии глубокой содержательной связи двух текстов. Так, подзаголовок повести Ольги Славниковой «Бессмертный» – «Повесть о Настоящем Человеке» – содержит прецедентную отсылку не только и не столько к произведению Бориса Полевого, но к одному из ключевых концептов советской эпохи (сформировавшемуся, впрочем, в значительной степени на основе его текста), и этот концепт находит экспликацию и новое осмысление в повести Славниковой.

Однако в большинстве случаев механическое сращение заголовка с текстом, для которого он не предназначался, априори обречено на коммуникативную неудачу; ретрансляция прецедентности, осуществляемая в заголовках публицистических статей, – сложный культурный и когнитивный

процесс, на пути осуществления которого возможны не только творческие находки, но и потери.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГОЛЬДИН, В.Е., 2001: Гольдин В.Е., Сиротина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. Саратов: Изд-во СГУ, 2001, с.106.
2. ОРЛОВА, Н.М., 2008: Библейский текст как прецедентный феномен. Саратов, 2008, с.32.